

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 130.2:1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.202

ЗАРОЖДЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ПРОГРЕССИЗМА: ФРАНЦИЯ ИЛИ РОССИЯ?

С.И. Сулимов

ФГБУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж

Цель исследования – выявить и раскрыть основные идеи философско-исторического учения о прогрессе. **Новизна исследования** заключается в сопоставлении представлений французских просветителей А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе об историческом прогрессе с учением отечественного философа В.Н. Татищева (1686–1759) об историческом развитии человечества. **В результате исследования** нами были обнаружено немалое сходство между этими тремя концепциями. И если учения А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе закономерно похожи друг на друга, потому что их авторы – учитель и ученик, то созданная В.Н. Татищевым теория хронологически старше своих французских аналогов и не может быть объяснена как заимствование западных идей русским мыслителем.

Ключевые слова: философия истории, учение о прогрессе, периодизация истории, «умопросвящение».

Введение

Актуальность данной темы связана с влиянием, которое учение о прогрессе оказало на философию истории Нового времени. В частности, без идей А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе, вполне возможно, даже марксизм не появился бы или сформировался в ином виде, не похожем на классический. Однако считать прогрессизм концепцией, возникшей в культурных и идейных условиях французского Просвещения, всё-таки нельзя. Как свидетельствуют факты, аналогичное учение было сформулировано В.Н. Татищевым в России парой десятилетий раньше, чем А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе во Франции, и поэтому нельзя считать прогрессизм исключительно новоевропейской философской системой.

В данной работе мы предпримем попытку сравнительного анализа понимания прогресса западными философами-просветителями и русским мыслителем В.Н. Татищевым, а также предложим своё объяснение сходства и различия этих учений.

Целью исследования является сравнительный анализ французского и русского учений о прогрессивном развитии общества. Эта цель предполагает решение следующих задач:

© Сулимов С.И., 2024

- выявление общих принципов прогрессизма в философии французского Просвещения;
- обзор понимания истории В.Н. Татищевым;
- компаративистский анализ русского и французского учений о прогрессе;
- установление историко-культурных условий формирования прогрессизма во Франции и России.

Методологической основой исследования послужили сравнительный анализ и сопоставление философских взглядов таких мыслителей, как А.Р. Тюрго, Ж.А. Кондорсе и В.Н. Татищев с акцентом на понимании этими авторами закономерностей исторического процесса.

Теоретической базой работы являются сочинения французских философов-просветителей, а также описание культурной специфики первой половины XVIII в. британским историком Р. Осборном.

Учения каждого из затронутых нами авторов по отдельности рассматриваются в большом количестве отечественных и зарубежных научных работ, однако чаще всего исследователи сосредотачивают внимание на гносеологическом и социально-философском аспектах учений французских просветителей и их русского современника. Сравнительный анализ сформулированных ими моделей истории, насколько нам известно, никто не проводил.

Практическая значимость исследования заключается в использовании его результатов при чтении таких гуманитарных курсов, как социальная философия, история зарубежной философии, история русской философии, культурология и философские вопросы истории. Также результаты исследования могут применяться в анализе дальнейшего развития новоевропейской философии.

Понимание исторического прогресса в философии Анна Робера Тюрго и Жана Антуана Кондорсе

Предтечей философии прогресса считается французский философ и политик Анн Робер Тюрго (1727–1781), некоторое время занимавший должность министра финансов при короле Людовике XVI и сформулировавший свои взгляды на исторический процесс в небольшой работе «Рассуждение о всеобщей истории», изданной им за несколько десятилетий до назначения на министерский пост. Подобно большинству представителей философии французского Просвещения, А.Р. Тюрго принадлежал к гносеологическому направлению сенсуализма и считал ощущения главным источником человеческих знаний о мире. Абстрактные представления, характерные для человеческого мышления, по мнению философа-финансиста, формировались очень долго, и без непосредственного контакта с чувственной реальностью разум оказался бы в некоем «лабиринте», состоящем из идей, абстракций и ложных суждений [6, с. 105]. По этой же причине человеческая личность может выражаться только в материальных действиях, а не в фантазии.

Именно поэтому история человечества представляет собой случившиеся события, а не какие-то идеальные планы и рациональные, но неосуществлённые замыслы. По мнению мыслителя, человеческий разум играет в развитии общества немалую роль, но эта роль заключается отнюдь не в создании идеалов, а в постижении реальности. Причём это постижение выражается в конкретных, зримых успехах и достижениях ремёсел, философии, науки и искусства. С точки зрения А.Р. Тюрго, общество, располагающее развитым хозяйством и регулярно совершающее технические новации, гораздо прогрессивнее своих соседей, живущих по гуманному, но неизменному закону и поэтому не совершенствующих свой быт и технологии.

С точки зрения французского мыслителя, человечество представляет собой единый субъект истории, который в силу ряда причин делится на отдельные общества, имеющие не одинаковый темп развития. Размышляя о причинах неравномерности начала исторического пути различных народов, А.Р. Тюрго отверг популярный в те годы географический детерминизм Ш.-Л. Монтескьё. Природно-климатические условия, по мысли просветителя, оказывают влияние на становление того или иного народа, но это вовсе не единственный фактор, определяющий ход истории. В частности, не только природа, но и политическое, социальное и интеллектуальное состояние общества намечают жизненный путь любого индивида, и поэтому даже самый талантливый одиночка рискует никак не проявить свои таланты, если условия жизни этому не способствуют: «Приходится признать, что если бы Корнель, выросший в деревне, шёл за плугом всю свою жизнь, что если бы Расин родился в Канаде среди гуронов или в Европе XI в., то они никогда не могли бы проявить своих дарований. <...> Прогресс, хотя и неминуемый, перемешивается с частыми упадками благодаря событиям и революциям, прерывающим его, поэтому он был весьма различен у различных народов» [6, с. 107]. Причём народ, в данный момент не имеющий условий для умственного развития (а значит, и для хозяйственного расцвета), в другой исторический момент может их создать и добиться достижений, о которых его предки и мечтать не смели всего пару поколений назад. С точки зрения А.Р. Тюрго, установленная в обществе форма правления влияет на общественное развитие гораздо сильнее, чем ландшафт, хотя бы потому, что благодаря ей формируется наиболее распространённый в данном народе тип характера. К примеру, деспотическое правление мыслитель считал благоприятным для подхалимов и губительным для любой частной инициативы. По мысли А.Р. Тюрго, для народа выгоднее идти путём беспорядочного, долгого и бурного развития, нередко затевая бессмысленные и бесполезные начинания, чем оказаться в рамках раз и навсегда установленного порядка, любое отступление от которого непременно карается. Такой порядок даже если и сопровождается хозяйственными успехами, то в скором времени обязательно закоснеет и от динамики перейдёт к статике. С точки зрения просветителя, человеческие страсти являются не менее важным побудительным мотивом, чем разумные соображения, и вдохновлённые ими

поступки становятся такой же частью истории, как и заранее спланированные действия. Даже исправление совершенных под влиянием страсти ошибок более благотворно для общества, нежели бесконечная размеренная статика [6, с. 86].

Признавая единство человечества как исторического субъекта, А.Р. Тюрго выделил следующие этапы, которые на данный момент прошли не все общества из-за неравенства условий, в которых начинался их исторический путь. Это охотничий, пастушеский и земледельческий этапы. На охотничьем этапе формируются племена, но отношения между этими небольшими, дикими общностями скорее отстранённые, чем враждебные: ведь делить друг с другом им практически нечего, а редкие стычки из-за промысловых угодий носят эпизодический характер. Затем, когда общество одомашнивает животных и переходит к пастушескому образу жизни, его хозяйство становится производительным и позволяет содержать рабов. С точки зрения французского мыслителя, на том историческом этапе рабство никак не связано с жестокостью и лишь удовлетворяет потребность растущей экономики в рабочих руках. Но пастушеское общество, с точки зрения философа, не знает своей истории, потому что историческая память возникает вместе с письменностью, которая является его основой. Именно поэтому история всех кочевых народов сохранена и осмыслена их оседлыми соседями, а не ими самими. Оседлая же жизнь начинается только с появлением земледелия, которое является закономерным результатом доместикации растений, предпринятой наиболее наблюдательными пастухами. Именно на земледельческом этапе возникают государство и письменность, позволяющие обществу сохранять свои достижения, анализировать произошедшие с ним события и последовательно, непрерывно познавать мир. Именно в этот момент над обществом нависает опасность формирования деспотии, которая рискует навсегда законсервировать его в текущем состоянии. Если же народ долгое время находился в охотничьем и пастушеском состоянии и тем самым избежал деспотического правления, то со временем он сумеет одолеть дряхлеющего, но не развивающегося цивилизованного соседа. Ведь его хозяйственный и социальный прогресс продолжается хоть и медленно, но непрерывно.

В разрушении цивилизованного общества варварами А.Р. Тюрго не видел ничего плохого, считая, что все значимые технические и духовные достижения постепенно будут усвоены победителями. В частности, просветитель считал залогом исторической преемственности того или иного технического изобретения или произведения искусства превращение их в товар, благодаря чему, сохраняя и транслируя это наследие, отдельный человек или группа людей могут разбогатеть, то есть имеют материальный интерес. Изобретение книгопечатания и развитие торговли книгами мыслитель считал залогом того, что в новоевропейской истории никакое знание уже не рискует быть утраченным и может легко распространиться по всему миру.

Идейным наследником министра-философа стал Жан Антуан Кондорсе (1743–1794), не только увлечённый концепцией А.Р. Тюрго, но и знакомый с ним лично. В своей работе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» Ж.А. Кондорсе соглашался с предшественником в оценке роли таких исторических факторов, как природные условия, человеческие страсти, письменность и деспотическая форма правления. Однако главным признаком прогресса мыслитель считал не зримые хозяйственные успехи и технические новации, а интеллектуальную деятельность, в ходе которой человеческие познавательные способности неуклонно углубляются. Даже те размышления, которые не связаны с решением материальных вопросов или поиском природных закономерностей, опосредованно влияют на совершенствование человеческого разума. А рост разумности непременно вызовет очередное прогрессивное изменение в образе жизни общества. Получается, что мыслители, задаваясь не связанными друг с другом вопросами в различных дисциплинах и сферах, непроизвольно образуют нечто вроде единого интеллектуального поля, качественные изменения в котором меняют и материальную жизнь, выражаясь в изобретениях, новациях и открытиях. Вот как характеризовал это «интеллектуальное поле» сам Ж.А. Кондорсе: «Итак, все интеллектуальные занятия людей, как бы они ни различались по своему предмету, методу или необходимым для них умственным способностям, содействовали прогрессу человеческого разума. Вся система трудов людей, в самом деле, подобна хорошо составленному производству, части которого методически разделённые, должны, тем не менее, быть тесно связаны, образовать одно целое и стремиться к единой цели» [2, с. 192]. К той же эпохе мыслитель относил формирование общественного мнения, формируемого и поддерживаемого многочисленными, не связанными друг с другом журналистами и поэтами неуязвимо для одностороннего диктата государственных и церковных инстанций.

Исходя из того, что первоначально любые прогрессивные общественные изменения инспирируются человеческим разумом и лишь в процессе осуществления воплощаются в материальной реальности, мыслитель составил следующую периодизацию истории: первобытная эпоха; эпоха пастушеских народов; прогресс земледельческих народов; прогресс человеческого разума в Греции до времени разделения наук в век Александра; прогресс наук от их разделения до их упадка; упадок просвещения до его возрождения ко времени крестовых походов; от первых успехов наук в период их возрождения на Западе до изобретения книгопечатания (хронологически – эпоха Возрождения); от изобретения книгопечатания до периода, когда науки и философия сбросили иго авторитета (XVI–XVII вв.); от Декарта до образования Французской республики. Для каждой из этих эпох характерно сочетание духовных, политических и технических новаций, каждая из которых, возникнув даже по случайности, вызывает эффект домино. Например, Великие географические открытия опосредованно привели к обогащению европейского купечества, росту мануфактур и уменьшению влияния

Церкви на духовную жизнь, следом за которым появились учение об общественном договоре и дальнейшая политическая философия [2, с. 139]. Ж.А. Кондорсе предсказывал наступление вскоре после французской революции 1789 г. следующей эпохи, в которой принципы экономики, философии и нравственности будут объединены.

Размышляя об исторической преемственности, мыслитель соглашался со взглядами А.Р. Тюрго на этот вопрос, но подчёркивал два его аспекта. Во-первых, по мысли Ж.А. Кондорсе, распространение книгопечатания сделало процесс накопления и распространения знаний необратимым, а прогресс – постоянно ускоряющимся, потому что трансляция знаний, накопленных европейскими народами, через печатное слово в сочетании с колониальной экспансией неминуемо создаст в мире новые центры интеллектуального развития, приобщив к новинкам передовой западной мысли неевропейские народы. Во-вторых, мыслитель занимал антиклерикальную позицию, считая, что Церковь монополизировала право на знания и веками сдерживала развитие разума в подконтрольных ей обществах. Именно случившейся в XVI в. Реформацией просветитель объяснял яркий расцвет естественных и гуманитарных наук в Новое время.

Итак, мы кратко рассмотрели основные положения учения о прогрессе, сформулированного французскими философами-просветителями. Именно в таком виде прогрессизм перешёл в XIX в., получив развитие в философии О. Конта и К. Маркса. Однако прогрессисты-французы не были одиноки. Их имена и воззрения известны всему миру, но вовсе не они являются первопроходцами такого понимания общественного развития.

Прогрессизм в философии Василия Никитовича Татищева

В русской философской традиции первым представителем прогрессистского понимания истории можно считать Василия Никитовича Татищева (1686–1750), который известен в первую очередь как автор фундаментального сочинения «История Российская». Свои же теоретические взгляды на исторический процесс мыслитель ёмко и кратко изложил в работах «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» и «Предъизвещение об истории общественное и собственно о русской».

Ведущими началами человеческой деятельности В.Н. Татищев считал разум и волю, но, в отличие от своих французских коллег, не произносил апологий страстям и полагал, что разум должен доминировать над волевыми побуждениями и держать их под строгим контролем. В этом нет никакого насилия человека над самим собой, потому что разум является способностью отличать добро от зла и своим господством ведёт человека лишь к благополучию. Таким образом, В.Н. Татищев стоит на позиции этического рационализма и констатирует, что «все деяния от ума или глупости происходят» [4, с. 287] (соответственно, благие деяния – от ума, а вредоносные – от глупости). Одним из признаков благополучия мыслитель считал чистую совесть и умение индивида поддерживать доброжелательные отношения с

другими людьми [5, с. 47]. Поэтому одним из проявлений разумности В.Н. Татищев считал религию, полагая, что она не противостоит развитию человеческого разума, а развивается вместе с ним. История человечества с данной позиции предстаёт как процесс постепенного возрастания разумности, в том числе и в сфере религиозности, и распространения её достижений от передовых народов ко всем остальным. Для описания исторического процесса В.Н. Татищев, в отличие от французских просветителей, не употреблял термин «прогресс», а использовал слово «умопросвящение». Однако, как мы увидим ниже, это различие не умаляет сходства русского и французского учений.

Отечественный мыслитель делил историю человечества на три этапа, разделённых следующими событиями, словно вехами: появление письменности, возникновение христианства, изобретение книгопечатания. До появления письменности каждый народ и даже каждое племя руководствовались собственными обычаями, которые нередко были крайне примитивными, а процесс накопления знаний об окружающем мире проходил медленно и неравномерно. Ведь даже самые мудрые и изобретательные люди могли доверить свои технические и духовные новации лишь устной коллективной памяти, которая часто деформировала или утрачивала эти знания и навыки. Появление же письменности позволило целенаправленно накапливать информацию и создать кодексы законов, не зависящие от личности и амбиций конкретных судей. В качестве примера законодателей, своей деятельностью определивших жизнь целых народов на века, В. Н. Татищев указывал Ликурга Спартанского, Нуму Помпилия, Солона Афинского и других полуполюгендарных политиков-мудрецов, однако отмечал, что созданные ими законы «не токмо кратки, но и не весьма с благонравием и пристойностью сходны» [5, с. 75]. Знания об окружающем мире под влиянием письменности переживают процесс бурного, но беспорядочного развития. Так, появляются философия, медицина, астрономия, математика, но с ними соседствуют астрология и мантика; более того, большинство этих наук на ранней стадии развития действуют обособленно и не создают единой картины мира.

С возникновением христианства мыслитель связывал соединение религии, нравственности, философии и права: «Великая перемена, ибо тогда вскоре многие нужные и наставлению нашему от умных и братолюбие совершенное имеющих людей начались книги, в которых гиштории [истории. – С.С.] прошедших времён или учения к нашей пользе представлялись; другие же законы духовные и гражданские сочинять и людей на благое наставлять, а от зла удерживать стали» [5, с. 72]. Важно, что письменность существовала и до возникновения христианства, ведь составляемые язычниками законы не ставили своей целью ничью пользу, кроме отдельно взятого народа или племени. Поэтому В.Н. Татищев считал проводимую в Новое время христианизацию американских и сибирских туземцев разновидностью «умопросвящения». На обвинение Церкви в притеснении светских

отраслей знания философ отвечал, что в Средние века ни одна религия не миновала данной практики, и поэтому не следует считать пару досадных инцидентов сущностной чертой христианства.

Изобретение в Европе книгопечатания, по мнению В.Н. Татищева, стало важной исторической вехой, потому что позволило быстро и немалыми тиражами издавать книги научной и нравственной направленности. Мыслитель отмечал, что печатный станок был известен в Китае ещё в Средние века, но его конструкция не позволяла издавать книги быстро. Теперь же благодаря станку конструкции И. Гутенберга печатное слово вполне успевает за новыми идеями и способствует их быстрой трансляции через государственные границы. Философ констатировал, что к началу XVIII в. в Европе сложилось единое интеллектуальное сообщество, идеи в котором свободно циркулируют от одного мыслителя к другому, вызывая тем самым аккумуляцию и быстрый рост научного знания. Таким образом, распространение печатного слова оказалось важнейшим фактором исторической преемственности и формирования общечеловеческого духовного единства. Занимая различные посты на российской государственной службе, В.Н. Татищев способствовал распространению в России самых передовых достижений европейской науки и формированию отечественного академического сообщества и инженерного корпуса. К примеру, при его поддержке был открыт ряд горнозаводских школ [1, с. 88]. Важным отличием понимания истории В.Н. Татищевым от французского учения о прогрессе стала мысль о независимости «умопросвящения» от формы государственного устройства. Выше мы видели, что А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе считали деспотический режим важным препятствием на пути прогресса, которое непременно приводит к замедлению роста человеческой разумности или даже к его остановке. Отечественный мыслитель не был столь категоричен. По его мнению, развитие научного знания зависит в первую очередь от желания конкретных людей это знание осваивать и развивать, а вовсе не от формы правления в стране. Доказывая свою точку зрения, исследователь ссылаясь на исторические факты: «Занехотя аглинская [английская. – С.С.] вольность к распространению, папешское тиранство ко утеснению наук некоторый вид подают, однако ж не существо представляют, зане в других тому противное обретаем. Яко Франция есть государство самовластное и более, нежели Италия, Гишпания [Испания. – С.С.], Германия и Польша, властью государя правится, однако ж к расширению наук не токмо не препятствует, но паче любомудрием государей и прилежностью подданных от часу науки умножаются и процветают, оные ж со всею их вольностью в углу училищ сидят» [5, с. 131]. Поэтому мыслитель не видел в монархическом устройстве Российской империи никаких препятствий для «умопросвящения» и не считал политические преобразования необходимым условием для исторического прогресса.

Французское и русское учения о прогрессе: общее и особенное

Итак, мы кратко рассмотрели созданные в отечественной и французской философии XVIII в. учения о прогрессе. Какие их общие черты мы могли бы выделить? Все три мыслителя признают единство человечества и тем самым полагают, что все народы и общества идут одним и тем же историческим путём. Разрывы в этом пути порой случаются, но вскоре заполняются благодаря преемственности знаний об окружающем мире. И французские авторы, и их русский коллега приписывают разуму роль локомотива общественного развития: прогрессирует разумность – прогрессируют все сферы жизни общества. Разум понимается философами-прогрессистами не только как инструмент познания мира, но и как важнейшее условие изменения образа жизни своих носителей. Ведь имеющий достоверные знания о мире человек не станет повторять ошибок, сделанных им самим в то время, когда он этих знаний не имел. Из всех трёх мыслителей наибольший пиетет перед разумностью испытывает В.Н. Татищев: если французские авторы сохраняли за человеческими страстями роль движущего мотива истории, то отечественный философ распространял действие разума и на сферу нравственности. Периодизации истории, сформулированные прогрессистами России и Франции, отчасти сходны: все три автора признают основополагающее значение книгопечатания для мирового развития.

Однако между учениями В.Н. Татищева и его французских коллег присутствуют важные различия. Во-первых, как мы видели выше, А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе понимают разум исключительно в контексте гносеологии, а В.Н. Татищев распространяет действие разума на сферу нравственности. Именно поэтому реабилитация страстей в философии русского автора невозможна. Если французские просветители отличались подчеркнутым антиклерикализмом, считая деятельность Церкви препятствием на пути прогресса, то для русского мыслителя возникновение христианства – прогрессивное событие, поскольку привносит разумность в сферу религии. Можно сказать, что В.Н. Татищев понимал прогресс шире, чем французские авторы, потому что допускал развитие и усложнение религиозных взглядов, в то время как А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе считали любую религию лишь временным этапом в развитии человечества. По этой же причине французские просветители не отделяли прогресс общества от политических преобразований: не считая религию способной к развитию, они предлагали попросту устранить как её саму, так и её социально-политическое наследие.

Если сравнить периодизации истории, предложенные В.Н. Татищевым (три этапа) и Ж.А. Кондорсе (десять этапов), то концепция французского мыслителя кажется более тщательной и проработанной. Однако не стоит забывать, что Ж.А. Кондорсе базировался на учении А.Р. Тюрго, взгляды которого он творчески дополнил. Русский же философ был первопроходцем данного вопроса, и в его распоряжении не имелось никакой теории, которую можно было бы переосмыслить. Если же обратить внимание на периодизацию истории, предложенную А.Р. Тюрго, который первым во

Франции поставил вопрос об общественном прогрессе, то он тоже выделяет лишь три этапа в развитии человечества, хоть и по-иному, нежели В.Н. Татищев, критерию.

Можно ли предположить, что русский мыслитель вдохновлялся сочинениями своих французских коллег-прогрессистов? Это совершенно невозможно хотя бы потому, что В.Н. Татищев значительно старше А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе, и его работы были написаны и изданы раньше французских аналогов. В частности, «Рассуждение о всеобщей истории» А.Р. Кондорсе увидело свет в 1751 г., а сочинение Ж.А. Кондорсе было издано лишь в 1795 г., через год после смерти автора. В.Н. Татищев же умер в 1750 г., начав публикацию своего фундаментального труда «История Российская» в 1732 г., хоть эта книга и увидела свет только в 1768 г. Следовательно, «Предъизвещение об истории общественное и собственно о русской», по смыслу являющееся предисловием к «Истории», не могло быть написано позже, чем основной труд (т. е. после 1732 г.). Почему же идеи В.Н. Татищева не стали известны в академическом сообществе раньше, чем французское учение о прогрессе? Вероятно, тому виной два фактора. Во-первых, сам мыслитель не употреблял слово «прогресс», предпочитая собственный термин «умопросвящение», и это не позволило в XVIII в. провести аналогию между концепциями В.Н. Татищева, А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе. А во-вторых, сочинения В.Н. Татищева не пользовались популярностью даже среди русской публики из-за устаревшего литературного языка, которым они были написаны. Сформировавшийся как личность на рубеже XVII–XVIII вв., Василий Никитович всю жизнь изъяснялся языком допетровской эпохи, который уже к середине XVIII в. звучал архаично даже в Москве, не говоря о Санкт-Петербурге. Поэтому получилась трагикомическая ситуация, когда идеи прогрессизма, будучи созданными в России, пришли к русскому читателю из Франции.

Возникает закономерный вопрос: в силу каких причин похожие философские учения возникли в одну и ту же эпоху в таких разных государствах, как Франция и Россия? Британский исследователь Р. Осборн полагает, что философия французского Просвещения представляет собой реакцию образованного, интеллектуального общества на нехарактерную для предшествующих эпох историческую обстановку [3, с. 471–472]. А обстановка эта оказалась буквально тепличной: благодаря сбалансированной, взвешенной внутренней политике кардинала Ришелье и Людовика XIV во Франции удалось не только прекратить религиозные войны, но и устранить предпосылки к ним, фактически превратив королевство в светское государство. Те военные кампании, которые Король-Солнце всё-таки вёл, протекали за пределами страны и никак не угрожали жизни большинства французов. Практически до самой Семилетней войны (1756–1763 гг.) парижским интеллектуалам казалось, что общество само собой развивается от успеха к успеху, жизнь становится всё интереснее и безопаснее, научные открытия следуют одно за другим, и для окончательного торжества прогресса разума

осталось лишь покончить со «средневековым» клерикальным и монархическим наследием. Ситуация в России первой половины XVIII в. была иной, однако петровские реформы, приведшие к внушительным военным победам и экономическим достижениям, преобразившие как внешний вид российских городов, так и саму структуру русского общества, давали повод думать, будто начинается новый – разумный и яркий – исторический этап. Поэтому нет ничего удивительного в том, что историческое развитие человечества казалось прогрессивным как французским, так и русским мыслителям.

Заключение

В данной работе мы рассмотрели понимание процесса исторического развития французскими философами А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе, а также отечественным мыслителем В.Н. Татищевым. Между русской и французской концепциями прогресса заметно немалое сходство: признание общечеловеческого единства, видение истории как непрерывного роста человеческой разумности и, как следствие, совершенствования общественного устройства и отношений. Присутствуют и важные различия: например, в понимании роли религии как фактора общественной жизни, а также критериев периодизации истории. Досадный факт, что В.Н. Татищев вместо термина «прогресс» пользовался словом собственного сочинения («умопроявление»), не позволяет открыто признать, что все три автора действовали в рамках единого учения. Однако это не уменьшает сходства их взглядов, и это сходство вызывает тем большее удивление, что русский философ и его французские коллеги не были знакомы с идеями друг друга.

Список литературы

1. Верещагина И.П., Чапаев Н.К., Шелепов А.К. О роли В.Н. Татищева в развитии горнозаводских школ Урала // Образование и наука. 2005. № 6 (26). С. 85–91.
2. Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2020. 265 с.
3. Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира. М.: АСТ, 2018. 768 с.
4. Татищев В.Н. Предъизвещение об истории общественное и собственно о русской / В.Н. Татищев. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 268–287.
5. Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах / В.Н. Татищев. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 45–159.
6. Тюрго А.Р. Рассуждение о всеобщей истории / А.Р. Тюрго. Избранные философские произведения. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 75–142.

THE ORIGIN OF THE PHILOSOPHY OF PROGRESSIVISM: FRANCE OR RUSSIA?

S.I. Sulimov

Voronezh State University, Voronezh

The **purpose of the study** is to identify and reveal the main ideas of the philosophical and historical doctrine of progress. The **novelty of the study** lies in the comparison of the ideas of the French enlighteners A.R. Turgot and J.A. Condorcet about historical progress with the teachings of the Russian philosopher V.N. Tatishchev (1686–1759) about the historical development of mankind. As a **result of the study**, we found considerable similarities between these three concepts. And if the teachings of A.R. Turgot and J.A. Condorcet are naturally similar to each other, because their authors are a teacher and a student, then the theory created by V.N. Tatishchev is chronologically older than its French counterparts and cannot be explained as borrowing Western ideas by a Russian thinker.

Keywords: *philosophy of history, the doctrine of progress, periodization of history, «enlightenment».*

Об авторе:

СУЛИМОВ Станислав Игоревич – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории философии и культуры, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж. E-mail: sta-sulimov@ya.ru

Author information:

SULIMOV Stanislav Igorevich – PhD, associate professor, associate-professor of the Department of History of Philosophy and Culture, Voronezh State University, Voronezh. E-mail: sta-sulimov@ya.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.03.2024.
Дата принятия рукописи в печать: 15.04.2024.